

ХИТЫ РУНЕТА

РУЧЕЙ НАТАЛЬЯ

Дыхание осени

ИЗДАТЕЛЬСТВО АСТ
МОСКВА

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос-Рус)6-4
Р92

Ручей Наталья.

Р92 Дыхание осени / Наталья Ручей. — Москва : Издательство АСТ, 2019. — 448 с. — (Хиты Рунета).

ISBN 978-5-17-109619-9.

Если бы кто-нибудь спросил меня, чего не стоит делать провинциалке в большом городе, я бы ответила, что ей не стоит перебирать с коктейлями, заключать пари с сомнительными подругами и выходить замуж за первого встречного миллионера.

Ну и, пожалуй, не стоит надеяться, что бездонная пасть мегаполиса окажется снисходительной и вместо оскала подарит улыбку. Тот, кого я любила, почти меня уничтожил, а потом предложил перемиирие. Хм, боюсь, что снова не оправдаю его надежд.

Но даже если проиграю ему, что ж... один раз я уже умирала под дождливое дыхание осени...

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос-Рус)6-4

ISBN 978-5-17-109619-9.

© Ручей Н., текст
© ООО «Издательство АСТ»

Пролог

Если бы кто-нибудь спросил меня, чего не стоит делать провинциалке в большом городе, я бы ответила, что не стоит перебирать с коктейлями, заключать пари с сомнительными подругами и выходить замуж за первого встречного миллионера.

Ну и пожалуй, не стоит приезжать в большой город, надеясь, что его бездонная пасть не позарится на твой суповой набор. В расход идут и толстые, и просто пухлые и непозволительно тощие самонадеянные глупышки вроде меня. Аппетит у монстра-мегаполиса огромный, вкус непритязательный, а звук, с которым он выплевывает блюдо, переваренное механическим брюхом, — раскати-стый. До глубинки, в которую не тянет возвращаться, точно волна дойдет, а потом носи за плечами не только торбу с разрушенными надеждами, но и плащ из пересу-дов, хвост из сплетен и вуаль из домыслов.

Малопривлекательное зрелище, особенно если плащ постоянно удлиняется, хвост растет, вуаль густеет, а ты «делаешь лицо» и целуешь смачно на глазах у провинци-альной толпы охранника своего мужа-миллионера. Поч-ти бывшего мужа, но даже после грядущего раздела иму-щества все еще миллионера. Будь моя воля, я бы оставила его только в оранжевых трусах-боксерах, на улице, в мо-роз. Как он меня. Ну почти. Я более жалостлива. Мой муж убил в моем чреве ни в чем не повинного ребенка, вырвал у меня клок волос, пока тащил по бесконечным коридорам своего особняка, и бросил за воротами, голой абсолютно, истекающей и харкающей кровью.

Он желал моей смерти, а я снова не оправдала его надежд. И мой красивый, непозволительно богатый муж смирился и пошел на мировую. Он смирился. А я? Печалька, но я очень мстительна. Провинциальный комплекс, пожалуй.

Боюсь, что снова не оправдаю его надежд.

И даже если проиграю ему, что ж... один раз я уже умирала под дождливое дыхание осени.

ТОМ 1

Глава № 1

Он смотрит на меня тоскливо, как приبلудный пес, и я, повинувшись инстинктам, прикасаюсь к его лицу. Однорядная щетина приятно колет мою ладонь, и я машинально думаю, какие ощущения возникнут, когда его лицо окажется между моих ног. Приятно? Не очень? Щекотно? Или никак?

С Макаром мы любовники два или три месяца, — надо уточнить у него, — а нормального секса еще не было. Был его секс со мной, спящей. Были мои оргазмы с ним, во сне. А как будет в сознании, с моего согласия, по моей инициативе? Я не знаю и немного трушу, что не рискну. Он не догадывается о моих терзаниях и не знает, подпущу ли к себе вообще?

Но это случится.

Сегодня.

Возможно, прямо сейчас.

— Как тебе? — словно почувствовав, Макар делает шаг в сторону. — Это на первое время, потом найду что-нибудь лучше.

Шанс отступить: удерживать силой не станет, по крайней мере, пока я не сплю. Но я не привыкла пятиться, и бегло осмотрев зал с королевским диваном по центру, снова перевожу взгляд на Макара, снова рукой прикасаюсь к его щеке. Он вздрагивает, а я откровенно дрожу.

— Лучше не надо, — отмахиваюсь. — Пока сойдет, а после куплю себе дом.

Прячет взгляд. Да, он знает, в моем доме его не будет. Пока он мне нужен, моим планам, амбициям, моей мести и моему телу, но это пока.

- Голодна?
- Нет, еще не проснулась.
- Чай?
- Нет, не чай.
- Кофе?
- Да, хочу.

Усмешка в зеленых глазах. Макар уходит на кухню, а я смотрю из окна на пустынный в такую рань город, вижу в стекле бледное отражение, и не верю, что это я. Жива. Строю планы, как переспать с мужчиной, вместо того, чтобы лежать по-тихому в могиле, гнить, разлагаться, как хотел этого муж. Представляю, как его перекосило, когда узнал, что я выкарабкалась, и как безутешно выли бомондовские сводни, подсылающие к нему в постель своих заграничных дочек. Скольких успел отметить, пока я валялась в реанимации практически в статусе трупа?

Мой первый любовник.

Но, как оказалось, не лучший.

— Идешь? — голос Макара и запах кофе манят на кухню.

Не люблю красный цвет, режет глаза, но здесь мне почему-то уютно: шкафчики, холодильник, барная стойка, выдвижной маленький стол матово-однотонны. Макар смотрится хозяином, я — его гостьей, возможно, потому, что я бледная, а он в тон? Красный свитер под горло, черные брюки, глаза с лопнувшими сосудами. Нелегко ему было разрываться между мной и работой, но сегодня у него выходной; у меня — целый день вне больничных стен.

Праздник.

— Шампанское есть? — поддаюсь порыву.

Чашка с кофе стынет под взглядом Макара, я растягиваю губы в улыбке. Мойка. Два шага к холодильнику, два бокала, всплеск... Ощущение, будто в иллюзорном мире, а вокруг киносъёмка. В главной роли я? Или он? И когда кульминационная сцена?

— За тебя, — предлагает тост.

— За нас, — поправляю и сбиваю его растерянность: — Нам многое предстоит сделать вместе.

Его бокал отправляется в мойку, следом за чашкой, нетронутым.

— Не связывайся с ним, он тебе не по силам.

Не связываться с ним? Поздно. Раньше, если бы кто-то предупредил меня раньше, до свадьбы, а лучше до того, как я познакомилась с Яром...

Почти полгода прошло, а такое ощущение, что вчера, и я стою перед ним и его приятелем, усмехаюсь нагло от избытка вкусных коктейлей и предлагаю:

— Мне двадцать два, высшее образование, я девственница, у врача можем проверить. Так что когда свадьба?

В голове приятно шумит от выпитого, негромкой клубной музыки, адреналина и цепкого взгляда темных глаз. В кабинке бара такие высокие спинки, что посетителям не видно ни меня, ни тех, что заключили пари. Собственно, о пари никто, кроме меня и подруги, не знает. Мы просто оказались за соседним столиком, у меня просто хороший слух, а эти двое мужчин просто ожесточенно спорили. Один из них считал, что мало шансов встретить девственницу старше шестнадцати, почти нереально, если ей восемнадцать, и не бывает таких, которым бы перевалило за двадцать. Тем более, если девушка с высшим образованием, потому что институт — кузница шлюх.

Второй, посмеиваясь, сказал, что если бы встретил такую, что и не малолетка, и с высшим образованием, и девственница — невзирая на внешность найденыша, затащил ее в загс.

— Не верю, что ты согласишься жениться, — усомнился первый, и я, слыша их диалог, мысленно согласилась.

— Почему нет? Другой вопрос, что таких не бывает.

— Ну да, а если бы...

— Хоть сейчас.

— И тебя не заденет, что ей нужны только твои деньги?

— Тебе тоже нужны мои деньги, и что? С тобой я даже не сплю.

Лариса услышала мой смешок, и теперь от нее невозможно отвертеться. Пересказываю мужской разговор, она сбегает под предлогом проветриться в дамской комнате. Дефилирует, осматривается у барной стойки, воз-

вращается с бесплатными коктейлями лично от бармена и новостями.

— Тот, что спиной к тебе, очень хорош. Светлые волосы, глаз не видно — только что выразительные. Не франт, но такой весь из себя... при деньгах, в общем. Второй — темноволосый, худой, намного красивей. Какой из них хотел на девственнице жениться? Он?

Ее глаза недовольно сужаются, имитируя ревность, и я едва сдерживаю смех. Я придумываю сказки и записываю в тетрадь, Лариса придумывает и живет ими в реальности.

— Тот, что спиной ко мне, — успокаиваю ее взбунтовавшие чувства.

— Фух, — она принимается за коктейль. Допивает, еще раз прохаживается в дамскую комнату, возвращается с таким загадочным видом, что впору спасаться. — А знаешь...

Жаль оставлять коктейль, но лучше сбежать до того, как Лариса втянет меня в очередную авантюру. Она мастер по неприятностям, а у меня еще гудят ноги от кросса на каблуках по булыжной мостовой и в ушах до сих пор звон разбитой витрины и ментовских сирен. Вчера был внезапный протест против буржуев, потому что приличному человеку никогда не собрать на такую шубу, а что будет сегодня, мне знать не хочется.

— Нет, постой! Это же шедеврально! — Лариса хватается за руку. — Злата, только представь! Ты! Замужем! За богачом!

Представляю. Не впечатляет.

— И ты в шуубе! — тянет с восхищением подруга, ее глаза загораются, будто она уже видит меня в мехах и как я по-царски сбрасываю их и передариваю ей. Впечатляет еще меньше.

— Пока.

Лариса догоняет меня почти у выхода.

— Злата! — трясет за плечи, по глазам вижу, не верит, что ухожу. — Тебе что, совсем наплевать на деньги?! Такой шанс, дура! Два мужика навеселе, всерьез поспорили, такие словами на ветер не бросаются, раз сказал, что женится, значит, женится, а ты...

— Предложи им себя!

— А что я предложу им вместо твоей девственности?!

Она почти кричит мне в ухо, но я счастлива, что если и оглохну, то в одиночестве. Не хотелось бы разделить эту участь с другими посетителями бара. Что они подумают, узнав, что я девственница? Правильно, что со мной что-то не так. Лариса не отвяжется, а мне надоело торчать у всех на виду, в дверях. Кажется, все прислушиваются к маленькой тайне, которую громко шепчет подруга.

— Чего ты от меня хочешь?

— Чтобы ты перестала быть душой! — отпускает мою руку, кивает в сторону, где сидят те двое. — Спорим, что это не развод? Ты ведь не веришь, да? Спорим, что они говорили всерьез?

— Да, не верю, но какой мне смысл спорить?

— А главный приз — свадьба с богачом тебя не прельщает? Ах, да, ты же не веришь... Хорошо. Если все это развод и они дадут тебе от ворот поворот, ты три месяца не платишь за квартиру. Ну как?

Серьезная экономия и весомый аргумент. Квартплата съедает большую часть заработка, несмотря на то, что Лариса берет с меня по-божески. За три месяца я могла бы собрать на пальто, но вслух этого не говорю, не хочется в очередной раз услышать, что я дура и думаю о пальто, когда могу выйти замуж и ходить в шубе.

— Думаешь, я не подойду?

— Думаю, что ты провинциальная и закомплексованная клуша.

— Как и ты! — вспыхиваю и под насмешливым взглядом подруги марширую к столику двух разболтавшихся незнакомцев. Злюсь на них, на себя, на бамбуковые заросли, за которыми их не видно. А если это правда, и один из них согласится на мне жениться?

Спотыкаюсь, чудом не падаю, слышу смешок Ларисы, — идет следом, — но не оглядываюсь. Три месяца без квартплаты... Три месяца без квартплаты... Моя новая мантра...

Мужчины при моем появлении замолкают. Перевожу взгляд на того, что с пшеничными волосами: хорош, черт! Волна жара, идущая от него, бьет по коленным чашеч-

кам. Хватаюсь за стол, копирую Ларискину наглую улыбку и выдавливаю из пересохшего горла... хрип. Глоток из чужого бокала, решаюсь и, боясь, что взбунтуются коктейли и только что опробованный коньяк, выпаливаю на одном дыхании:

— Мне двадцать два, высшее образование, я девственница, у врача можем проверить. Так что, когда свадьба?

Лариса притихла за соседним столиком. Мужчины смотрят на меня как на сумасшедшую и молчат, а я повторяю мысленно свою мантру: три месяца без квартплаты, три месяца без квартплаты...

— Расцениваю как отказ, — облегченно улыбаюсь, машу разочарованной подруге рукой и иду к выходу. Июньский ночной ветер успокаивает разгоряченную кожу. Не верится, что я смогла устоять на ногах после бреда, который несла, и после взгляда этого незнакомца.

Приваливаюсь к стенке бара, у входа.

Пшеничные волосы и темные глаза — как-то неправильно... Прикоснись он ко мне — я бы упала в обморок. И что говорить о свадьбе?

Смеюсь.

Хорошо, что он отказал мне. И вдруг слышу вкрадчивый мужской голос, совсем рядом, у левого уха:

— И куда так спешить? Мой врач и загсы не работают за полночь.

Нервная дрожь проходит, мне становится интересно, как далеко готов зайти незнакомец? Как далеко готова зайти я? Если не врет и согласен жениться, согласна ли я? Повернув голову, встречаюсь с ним взглядом, и тут же ускользаю прочь, к пшеничным волосам, которые при фонарном свете кажутся почти каштановыми, к расстегнутому вороту синей рубахи, к закатанным рукавам и длинным пальцам, которые медленно тянутся к моим локонам. Накручивают спиралью, отпускают. Вспыхиваю, когда взгляды встречаются снова, и радуюсь, что он не заметит моего смущения.

Его пальцы исследуют мое лицо, спускаются к шее — мой пульс замирает и ускоряется в бешеной гонке. Губы его складываются в довольную улыбку, наверное, ему

нравится то, что он видит. Не то, чтобы мне было важно, просто... почему-то приятно. Впервые мне хочется нравиться мужчине, впервые мне его хочется.

Удержать, взять, отдаться...

Не внешность, вернее, не только внешность притягивает, как магнитом. Есть что-то магнетическое в нем самом. Пульсирующая сила, аура власти, богатства. Не деньги — нет, что мне с его денег? Он на меня их не тратит. А именно притяжение человека, который их себе подчиняет. Я раньше не встречала таких — в глубинке, где я выросла, таких не бывает. А, может, он один такой. Я не знаю. Не хочу знать. Он здесь, рядом, прикасается ко мне, и я тоже к нему прикасаюсь.

Хочу...

Наваждение...

Исследую его лицо нервными пальцами, он ласкает ладонью мое. Его больше интересуют мои глаза, меня — его губы. Обвожу пальцем по контуру, неожиданно проскальзываю в жаркую влажность и льну к нему, отодвигаюсь от прохладных камней стенки.

Улыбка незнакомца становится шире, одно быстрое движение, и я снова чувствую за спиной прохладу, а перед собой жар. Мой палец отпускают на волю, а губы берут в плен, и я подаюсь вперед, делая выбор в сторону жара. Руки самовольно запутываются в пшеничных волосах, дыхание сбивается, иногда вырываясь с предательским стоном. Я хочу его. Здесь. Сейчас. Все равно...

Но он отстраняется. Смотрит дико, будто хочет того же, что я, или... ударить. Не понимаю его, а хочу не меньше, чем секунду назад. Но не могу просить, не могу унижаться. Дыхание восстанавливается, мысли и взор, несмотря на коктейли, избавляются от мутного наваждения. Моя рука соскальзывает с его плеча — свободен, иди, не держу тебя.

— Решил проверить на совместимость? — услышав голос за спиной незнакомца, понимаю, почему он оборвал поцелуй. Отворачиваюсь, чтобы его приятель не видел моих глаз, губ; хочу сбежать, но сильные руки прижимают к себе.

— Это уже не твое дело.

— Ну да, конечно, но, по ходу, тебе досталась горячая цыпочка на ночь благодаря мне.

Рука незнакомца поглаживает мою напряженную спину, и я притворяюсь, что словесный укус не жалит. К тому же я хочу эту ночь с ним.

— Тебе пора, — тон моего незнакомца невозмутим.

— Намек ясен, пока!

— Отвези ее подругу, куда она попросит.

— А... она?

Обжигающий взгляд, многозначительная улыбка.

— Ее отвезу я.

— Да, шеф! — шутливо бросает второй незнакомец, слышу его шаги, слышу голос Ларисы, их дружный смех, звук отъезжающей со стоянки машины. Лариса на каблучках, хорошо, что ее подвезут — почему-то думаю о пустяках, о подруге, а не о том, что осталась один на один с незнакомцем и чем закончится эта ночь. Я ужасно боюсь: того, что случится, и того, что мужчина, которого я хочу, скажет, что шутка окончена.

Он берет меня за руку и ведет к вишневой машине. Дверь со стороны водителя открывается, крепко сложенный молодой человек поспешно распахивает дверь для задних сидений. В салоне пахнет сандаловым деревом и грейпфрутом — мой любимый аромат, делаю глубокий вдох, еще один, и смущенно смотрю на мужчину рядом. Склоняю к нему голову, вдох... Краснею, как школьница, так и есть — это его запах.

Широкая ладонь не позволяет мне отклониться, и я покорно прижимаюсь лицом к синей рубашке и дышу, дышу, не могу насытиться. Повернув чуть голову, замечаю случайный взгляд водителя — он видит, как я липну к его хозяину, наверняка видел, как липла к нему у бара, и стыд заливает щеки. Я еду с женщиной, имени которого не знаю, к нему домой — но не уверена точно; зато я и все остальные четко знают, зачем.

— Тебе холодно?

Он убирает руку, но я все равно не поднимаю голову, так и сижу, уткнувшись носом ему в грудь.

— Нет, — говорю, — наоборот.

— Макар, в машине жарко.

— Да, шеф.

Наверное, он понизил температуру кондиционера — или как там это называется в иномарках? — и я едва сдерживаю смех. Мне жарко не потому, что лето, не из-за температуры в машине, мне жарко из-за... из-за... эм...

— Как тебя зовут?

— Я думал, ты согласишься после свадьбы.

Он не улыбается, но я вижу смешинки в его глазах. Все еще не могу определить их четкий цвет — не карие, не черные, похоже на синеву наступающей ночи. Впервые вижу такой оттенок — наверное, виной освещение.

— Ярослав.

— Яр, — произношу я, мне нравится его имя. Я думаю, он спросит мое, но он молчит, всматривается в мои глаза и молчит, а смешинки так и кружатся в наблюдающей ночи.

— Больше ничего обо мне не хочешь узнать?

— Что, например?

— Кто я? Чем занимаюсь? Сколько зарабатываю?

Он продолжает шутить насчет свадьбы, я притворяюсь, что верю, но одно дело строить из себя наивняк и другое — полную дурочку.

— На тебе брюки от Армани, рубашка Стефано Риччи, перстень с массивным камнем — черный бриллиант? Нет? В камнях и часах не разбираюсь, но камни в часах похожи на те, что в перстне. От тебя за версту несет богатством и властью. Логично предположить, что ты зарабатываешь достаточно.

— И логично предположить, что ты отметила все это до того, как сделала мне предложение.

В его словах нет вопроса, нет осуждения, я не обязана перед ним оправдываться, даже если и так. Чувствую, что лучше смолчать, но есть такой неизлечимый изъян, как язык без костей, поэтому я говорю в лоб:

— Увы, через бамбуковую стену кабинки в баре слышно великолепно, но видно отвратно. Да и во время поцелуя я видела все как в тумане. Но в машине ты близко, думаешь о своем, твои губы не одурманивают, а я, извини, не слепая.

Ехать куда-либо расхотелось. Вот так, несколько слов, и притяжения как не бывало, врут, утверждая, что жен-

щина любит ушами. Лучше, когда мужчина молчит, да и самой лучше помалкивать. Смотрю в окно на пробегающий наперегонки с фонарями асфальт, жду, когда Яр прикажет остановить машину.

Попросить высадить меня на ближайшей трамвайной остановке? Перебьется, да и трамваи уже, наверное, не ходят.

Подсчитываю мысленно, сколько у меня денег, и подскакиваю с криком:

— Моя сумочка!

Игнорируя все признаки близящейся истерики, Яр делает звонок по мобильному.

— Стас, где сумочка девушки?.. Не той, которую ты повез домой, — быстрый взгляд в мою сторону. — Да, той, что со мной... Понятно... — и уже мне: — Сумку взяла твоя подруга, все нормально.

Как сказать, я почему-то так не считаю. С сожалением смотрю, как проносимся мимо пустующей остановки трамвая. Попрошусь выйти из принципа — выйду, а вот дойду ли до дома? Туфли говорят «нет», гордость — «куда денешься?», я трусливо выбираю нейтралитет и говорю:

— Отвези меня домой, пожалуйста.

— Уверена?

— Да.

— Хорошо, — соглашается легко, отдает распоряжение водителю, но смотрит при этом как-то странно. Машина резко сворачивает вправо, я облегченно выдыхаю, благодарю себя за храбрость, закрываю глаза и... видимо, засыпаю.

На руках у Яра тепло, уютно, надежно, совсем не хочется просыпаться и уходить. Малодушно позволяю себе понежиться еще минутку и говорю, снова закрыв глаза:

— Второй этаж.

Тихий смешок. Не бросил, несет — странно. Прижимаюсь к нему — запах сандала с грейпфрутом. Почти мурлыча, вдыхаю, мне позволительна некая вольность, я почти сплю. Поворот, щелчок (парадное?), еще поворот, коридор. Шагов не слышно, но в ушах у меня начинает стучать. Какой поворот?! Какой коридор?! Где пролет и лестница?!

Открываю глаза и чувствую под спиной мягкий диван одновременно. Торшер вспыхивает от хлопка ладоней. Незнакомая комната, незнакомый дом, насмешливое лицо наблюдающего за моей реакцией мужчины с пшеничными волосами.

— Где я?

— Я хотел отвезти тебя в одну из своих квартир, но ты попросила домой. Помнишь?

Я хотела домой к себе, то есть в квартиру Ларисы, в комнату, которую я у нее арендую...

— Ты не сказала адрес, а единственный дом, адрес которого я точно знаю — мой.

Логично, справедливо, вот только...

Какое-то время мы молча рассматриваем друг друга, но мой взгляд то и дело соскальзывает к его губам. Какая разница, в конце концов, что он не спросил мое имя? Его имя тоже сотрется из памяти, а ночь на двоих останется.

— Нет.

Качает головой, будто прочел мои мысли. Но мне все равно. Я хочу его, как никого другого, хочу узнать вкус не только манящих губ. Но только успеваю подняться и сделать шаг, слышу повторное:

— Нет.

Не веря, смотрю, как поворачивается спиной, идет к двери... На пороге останавливается.

— Тебе принесут постельное и во что переодеться.

Оборачивается. Я все еще надеюсь, что он останется.

— В доме есть слуги, охранники, — изучающий взгляд. — Моя комната на втором этаже, на первом, рядом с твоей — комната для охраны. Она никогда не пустует.

Не понимаю, зачем он мне это рассказывает, я не планирую взламывать сейф.

— Все охранники крепкого телосложения, повара и горничные находят их привлекательными... Если захочешь уйти, они не станут тебя удерживать.

Понимаю его еще меньше, но киваю.

— Если ты не лгала насчет девственности... Словом, ты можешь уйти, охрана не станет тебя удерживать. Можешь избавиться от девственности за эту ночь, и тебя не стану удерживать я. Или можешь лечь спать, а завтра,